

Заболотная Людмила Ивановна

заместитель директора по УВР

МБУ ДО «ДШИ №6»

г. Волгоград, Волгоградская область

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ТЕКСТА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

***Аннотация:** в статье рассматриваются проблемы интерпретации, связанные с теоретическим обоснованием механизма интерпретации музыкального текста. Анализируются подходы к феномену «интерпретация» в философии, психологии, филологии, эстетики и искусствоведении. Выявляется степень изученности проблемы и необходимость интерпретации музыкального текста как способа понимания авторского замысла, придания ему личностного смысла через обширную область духовно-творческой деятельности.*

***Ключевые слова:** интерпретация, герменевтика, понимание, смысл, музыкальный текст.*

Одной из важнейших и интереснейших проблем современных наук является проблема интерпретации. Очевидная интенсификация глобальных процессов развития человечества в XXI веке актуализирует исследования феномена интерпретации в разнообразных отраслях человеческого знания. Так, по мнению многих ученых, появляется все больше оснований говорить об интерпретации как об одном из «главных приемов и методов гуманитарного (как и научного в целом) знания, гуманитарных наук, в частности – философии, эстетики, филологии, психологии, искусствоведения» [11, с. 203]. В образовательном пространстве проблема интерпретации в последнее время рассматривается в различных аспектах, рождая новые подходы, методы и приемы (Е.Р. Сизова, М.Д. Корноухов, Л.В. Вахтель, Л.Н. Шаймухаметова, А.И. Щербакова, А.В. Торопова, Б.М. Целковников, И.В. Арановская). Так, «педагогическая герменевтика» (А.Ф. Закирова) опирается на гуманитарные механизмы образования, представленные категориями «интерпретация», «понимание», «смысл». В области музыкального

образования интерпретация является условием формирования интерпретационной культуры как интегративного качества творческой составляющей музыкального обучения (М.Д. Корноухов) [9]. Для музыкальной педагогики исполнительского направления интерпретация есть процесс и результат деятельности учащегося-музыканта, которая предполагает аналитико-поисковую практику анализа элементов музыкального языка, выражающих музыкальный образ и поиска смысловой концепции, раскрывающей содержание музыкального произведения, при этом, овладевая приемами художественного познания и мышления.

Наиболее обстоятельно проблему интерпретации начали изучать философы. Становление интерпретации как научного термина связывают с философскими учениями Платона и Аристотеля, позднее – Декарта, основывающимися на двух сферах действительности – объективном мире физической реальности и субъективном мире мыслей и чувств.

В XX–XXI вв. проблема интерпретации получила и продолжает получать разностороннее освещение в философской литературе. Благодаря многочисленным работам современных западных философов (М. Вебер, Г. Гадамер, В. Дильтей, П. Рикер, М. Хайдеггер и др.), а также исследованиям отечественных ученых (Г.И. Богин, В.Г. Кузнецов, Л.А. Микешина, Е.Н. Ищенко и др.) происходит коренной пересмотр представлений о возможностях и значении интерпретации.

Так, из узкоспециальной конкретно-практической процедуры трактовки текста, интерпретация превращается в сложную многоступенчатую научную процедуру истолкования, понимания, нахождения авторского замысла и придания ему личностного смысла. Теперь интерпретация рассматривается как методологическая процедура (Э. Бетти), как метод «интерпретирующей диалектики научных понятий» (Г.Г. Шпет), как «способ бытия человека» (М. Хайдеггер), как «опыт мира» (Г. Гадамер).

Значительным фактором для философского понимания природы интерпретации, является поворот, совершенный Э. Гуссерлем и М. Хайдеггером, о котором пишет Г. Гадамер в своем обращении «К русским читателям», как о «переходе от мира науки к миру жизни». После такого шага за теорией познания в

целом, за интерпретацией в частности, стоит уже «не факт науки и его философское оправдание», но нечто другое – задача «отыскивать и оправдывать, соразмеряясь с искусством и историей, новый масштаб истины», ввести в философскую мысль новую цель, «преодолевая поставленные наукой границы как жизненного опыта, так и познания истины» [6, с. 7].

Западные мыслители Г. Риккерт и М. Вебер изучали ценностный аспект интерпретационной деятельности. Немецкий философ Г. Риккерт в своей теории ценностей подчеркивает, что постижение ценностей есть извлечение их из культуры, которое возможно лишь путем их истолкования. Другой немецкий ученый М. Вебер рассматривал проблему интерпретации и ценностей культуры в русле концепции «понимающей социологии». Ученым введено понятие «целерациональности», и отмечено, что «всякая интерпретация, как и наука, стремится к очевидному». Не менее значимыми являются рассуждения М. Вебера о расширении «духовного горизонта» интерпретирующей личности, развитии ее нравственных качеств, повышении интеллектуального уровня.

В современной отечественной философской науке интерпретация изучается как «специально организованная процедура, система правил и средств изучения контекстов другой культурно-исторической традиции» [10]. Так, Л.А. Микешина считает, что «корректная оценка интерпретации предполагает предварительное разграничение логических уровней знания – собственно текста и его истолкования. В отличие от текста, его интерпретация не истинна и не ложна, она не верифицируема, но может и должна быть обоснована, оправдана, что, прежде всего, предполагает экспликацию и осмысление неявных, скрытых элементов текста, выяснения их влияния на его значения и смыслы» [13, с. 313].

Несмотря на наличие множества подходов изучения феномена интерпретации, как дополняющих друг друга, так и прямо противоположных, взгляды современных отечественных и западных философов сходятся в одном: интерпретация – это понимание всех смысловых пластов, заложенных в тексте. Отечественные же ученые (Л.А. Микешина, Е. Ищенко, В. Миронов и др.), кроме понимания, используют такие термины как толкование, считывание, перевод. Они

особо подчеркивают, что интерпретация в первую очередь – работа мышления, и толковать, считывать, понимать может только человек мыслящий, способный находить смыслы.

Таким образом, ключевой доминантой для интерпретации становится герменевтика, которая с точки зрения философии трактуется как теория понимания и постижения смыслового содержания. Не случайно многие ученые, занимающиеся проблемами интерпретации (Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, Г. Гадамер, М. Хайдеггер, П. Рикер, Г.И. Богин, В.Г. Кузнецов, Л.А. Микешина) отмечают ее герменевтическую основу.

Научные основы герменевтики были заложены немецким философом Ф. Шлейермахером, создавшим учение о герменевтическом круге как об особенности процесса понимания, связанной с его циклическим характером. Согласно Ф. Шлейермахеру, процесс понимания и постижения смысла – это диалектика целого и части, понимание целого через последовательное прочтение его частей.

В дальнейшем научные идеи Ф. Шлейермахера были развиты в трудах его соотечественников: В. Дильтея, М. Хайдеггера, Г. Гадамера, П. Рикера и др. Так, М. Хайдеггер и Г. Гадамер считают, что одним из условий понимания является предпонимание, «дореклексивное понимание» (М. Хайдеггер), «пред-рассудок» (Г. Гадамер). По их мнению, предпонимание означает нечто, предшествующее рассуждению и размышлению, некоторую дореклексивную установку сознания. Французский философ П. Рикер, уточняя смысл понимания, указывает на способность (которой человек наделен от природы) проникать в другое сознание с помощью внешнего обозначения (через речь, язык, знаки) [10, с. 72].

Следовательно, понимание собственного внутреннего мира и чужого внутреннего мира – это процесс, в котором на основе внешних, чувственных данных постигается внутреннее – духовная жизнь человека, ее специфика, уникальность и развитие.

Для выявления психологического аспекта феномена интерпретации отправной точкой явилось обращение ученых-психологов к общей с философской гер-

меневтикой сфере понимания. Качественные характеристики феномена интерпретации с точки зрения внутренних психических процессов кардинально пересматриваются в трудах виднейших ученых XX века и их современных последователей (С.Л. Рубинштейн, П.П. Блонский, Л.С. Выготский, А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова, А.Н. Славская). Необходимо отметить, что активизация исследования психологического аспекта в современных условиях интерпретации в целом, и понимания в частности, происходит в русле возрастающего научного интереса к человеческой личности как мета-проблеме различных наук.

Исследование проблемы понимания занимает значительное место в работах выдающегося отечественного психолога и философа С.Л. Рубинштейна. Его научные исследования показали, что понимание – это специфическая особенность активного и интеллектуального процесса мышления субъекта. В своих работах «Бытие и сознание», «Человек и мир» С.Л. Рубинштейн говорит о том, что сознание постоянно совершает «работу» по выявлению новых смыслов. Осмысление субъектом постоянно изменяющихся и изменяемых отношений, событий и самой жизни в целом, т.е. работа сознания, и есть процесс интерпретации [14].

Из современных ученых наиболее полно исследует интерпретацию как предмет психологии А.Н. Славская. Говоря об интерпретировании как о «способности сознания обеспечивать личности понимание, осмысление и переосмысление изменяющегося мира» [15, с. 37], А.Н. Славская подчеркивает, что функцию интерпретации «нельзя свести к адаптации, поскольку новая позиция личности требует креативного конструирования новых отношений, осмысления новых задач и т. д.» [15, с. 46]. Данная концепция была обозначена как субъектная парадигма. В аспекте этой парадигмы важнейшей функцией интерпретации является конструирование личностью своего внутреннего субъективного мира, который принимает форму ценностно-смыслового конструкта, выражающего понимание и объяснение субъектом мира и самого себя [15].

С позиций герменевтики, которая сегодня предстает в гуманитарном знании и культуре в целом как одна из фундаментальных форм осмысления челове-

ского духовного опыта, особенно значимой становится роль искусства, поскольку подлинное искусство всегда ставит «задачи на смысл» и побуждает к соответствующему смыслостроительству.

Характеризуя феномен искусства в своих трудах болгарский философ и эстетик К. Горанов подчеркивает, что «искусство – это своеобразная полимодель человеческого отношения к миру» [8, с. 65]. Как известно, особенным свойством искусства являются его конструктивные возможности. Так, благодаря искусству человек, как предметно действующее существо, изменяет свой духовный мир посредством оценки, анализа, обобщения, воображения, фантазии. Если научная истина стремится к однозначности и конкретности, то истина искусства принципиально многозначна, полифункциональна. Поэтому искусство, гораздо более других сфер человеческой деятельности нуждается в интерпретации. «В неисчерпаемом разнообразии символического, т.е. всякого истинно художественного произведения, лежит источник множества его пониманий и толкований» – утверждал Л.С. Выготский [5, с. 366].

Вместе с тем, М.М. Бахтин называл искусство особым способом мышления, которое «сопровождает всегда наше эмоциональное мышление о мире и о жизни» [4, с. 167].

Среди многочисленных видов искусств музыка занимает особое место по своей специфичности. Как неизобразительное искусство, выражающее точные образы, чувства и ассоциации, как искусство временной звуковой природы, возрождаясь в процессе реального музыкального звучания, как искусство исполнительское, реализуемое музыкантом-исполнителем, интерпретатором. Для музыкального искусства, по сравнению с другими видами искусств, интерпретация особенно актуальна, так как без нее музыкальное произведение – это графическое изображение, абстрактные ноты-символы. Нотный текст только тогда раскрывает свой смысл, когда воспринимающий понимает, интерпретирует язык музыки. Иными словами, «графическая запись музыкального произведения яв-

ляется проекцией индивидуального авторского почерка и далее – историко-стилевого Текста Культуры, что выводит отношения с нотным текстом на уровень художественного творчества» [9, с. 96].

В концепции выдающегося русского музыковеда Б.В. Асафьева об интонационной природе музыкального искусства интерпретационная составляющая достаточно значительна. При этом, с интерпретацией связывается не только понятие «смысл», но и сама интонация как «выраженная мысль». По словам современного музыковеда В.В. Медушевского «интонация способна выражать и определённые мысли композитора, его мировоззрение, и «свёртывать» в себе опыт всей культуры, заключать в себе все социальные и эстетические функции музыкального искусства» [12, с. 47]. В своей книге «Музыкальная форма как процесс» Б. В. Асафьев, рассматривая музыку как «искусство интонируемого смысла», как «образно-звуковое отображение действительности» и «образно-познавательную деятельность сознания», указывает на важность постижения музыкального искусства в триединстве ее создания, восприятия и исполнения [3, с. 344].

Данная коммуникативная триада (по терминологии Б.В. Асафьева) «композитор-исполнитель-слушатель», является условием функционирования музыкального искусства. Музыкальное произведение как результат творческого труда композитора, имеет художественную ценность для слушателя и исполнителя. Исполнитель творчески воспроизводит нотную схему, интерпретируя музыкальный текст. Слушатель воспринимает произведение в интерпретации исполнителя, а далее – повторно, для себя, воспроизводит звучание, открывая личностный смысл. Так складывается коммуникативный процесс музыкального искусства, в ходе которого интерпретация может рассматриваться как своего рода диалог с композитором, как духовное общение творческих личностей [2]. Объединяющим звеном данной коммуникативной триады является музыкальное произведение. И.В. Арановская и Т.С. Орлова, рассматривая и выявляя механизм восприятия музыки, убедительно доказывают и утверждают, что в процессе восприятия, переживания и понимания содержания музыкального произведения

«экстрамузыкальным стимулом», способным «выводить» воображение воспринимающего за физические границы музыкального произведения является «установка на феномен музыкального произведения» [1, с. 133].

Эстетическая мысль давно уже признала, что музыкальное искусство имеет материально-идеальную природу: музыкальное произведение «живет» в звучании и потому чувственно воспринимаемо, в то же время посредством материальной формы транслируется его духовная сущность. Взгляд на природу искусства с позиции философского учения о взаимном преобразовании материального в идеальное было положено в основу взгляда эстетики на природу искусства. Современный ученый, один из ведущих исследователей в области художественной интерпретации Е.Г. Гуренко, данное взаимное преобразование определяет, как «*опредмечивание* (преобразование идеального в материальное) и *распредмечивание* (преобразование материального в идеальное)» [7, с. 68]. По его мнению, «опредмечивание» и «распредмечивание» пронизывают весь коммуникативный процесс музыкального искусства.

Информация, полученная композитором из внешнего мира, становится средством общения и коммуникации с исполнителем и слушателем, лишь будучи опредмеченной в музыкальном произведении. «В творческом акте создания музыкального произведения композитор объективирует идеальный образ-замысел и закрепляет его в преобразованной материальной форме. На этом завершается процесс преобразования идеального в материальное» [7, с. 69]. Обратный же процесс, то есть преобразование материального в идеальное, сближающий композитора с исполнителем и слушателем, по мнению Е.Г. Гуренко, происходит при со-участии и со-творчестве воспринимающего субъекта как реализация их субъективных намерений [7].

Именно на этом этапе материализованный художественный образ «возвращается» в свою идеальную сферу. Происходит постижение логики развития авторской мысли, воплощенной в музыкальном произведении, присвоение «чужого» художественного образа. Так, на основе интенсивной работы воображения у субъекта формируется новый образ-переживание, в котором идея, заложенная

в произведении художником, как бы заново рождается и возрождается. «Именно в ситуации распредмечивания произведений искусства... человеческое сознание обретает личностно-ценностный характер, наполняется действительно гуманистическим, творческим содержанием» – утверждает Б.М. Целковников [16, с. 23].

Таким образом, произведение музыкального искусства получает свое завершение и «новую жизнь» лишь в ситуации коммуникации с исполнителем и слушателем. Отсюда важность и необходимость интерпретации музыкального текста, как способа понимания авторского замысла, придания ему личностного смысла, моделирования внутреннего мира, духовного преобразования и творческого развития личности.

Все вышесказанное позволяет говорить о том, что подход гуманитарных наук к проблеме интерпретации в целом, и интерпретации музыкального текста в частности, ориентирован на познание, понимание, осмысление исторических явлений и произведений искусства через обширную область духовно-творческой деятельности человека.

Список литературы

1. Арановская И.В. Восприятие музыки как необходимое условие эффективности реализации жанрового подхода в учебном процессе / И.В. Арановская, Т.С. Орлова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия гуманитарный науки: Педагогика. Психология. Социальная работа. Акмеология. Ювенология. Социокинетика. – 2015. – Т. 21. – №1. – С. 132–136.
2. Арановская И.В. Диалог в проблемном поле искусствознания / И.В. Арановская, Е.Ю. Юлпатова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2012. – №3 (67). – С. 85–88.
3. Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс. – Кн. 1 и 2. – Л., 1971. – 376 с.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров, примеч. С.С. Аверинцев, С.Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.

5. Выготский Л.С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – М.: Искусство, 1965. – 379 с.
6. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного: [Пер. с нем.] / Г.-Г. Гадамер; послесл. В.С. Малахова; коммент. В.С. Малахова, В.В. Биbihина. – М.: Искусство, 1991. – 366 с.
7. Гуренко Е. Произведение искусства: Границы и строение // Музыкальное искусство сегодня. Новые взгляды и наблюдения: по материалам науч. конф. «Музыкознание на рубеже веков: проблемы, функции, перспективы». – Новосибирск, 2001 / Сост. и общ. ред. В.В. Задерацкого. – М., 2004. – С. 60–78.
8. Закирова А.Ф. Теоретико-методологические основы и практика педагогической герменевтики: Дис. ... д-ра пед. наук. – Тюмень, 2001. – 314 с.
9. Корноухов М. Д. Феномен исполнительской интерпретации в музыкально-педагогическом образовании: методологический аспект: Дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2011. – 550 с.
10. Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М., 1991. – 192 с.
11. Лексикон неклассики: художественно-эстетическая культура XX в. / Под общ. ред. В.В. Бычкова. – М.: РОССПЭН, 2003. – 606 с.
12. Медушевский В.В. Интонационная форма музыки: исследование / В.В. Медушевский. – М.: Композитор, 1993. – 268 с.
13. Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 622 с.
14. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1973. – 424 с.
15. Славская А.Н. Личность как субъект интерпретации / А.Н. Славская. – Дубна: Феникс, 2002. – 239 с.
16. Целковников Б.М. Поиск методологических основ исследования проблемы мировоззрения учителя музыки // Методология музыкального образования, проблемы, направления, концепции / Отв. ред. Э.Б. Абдуллин. – М., 1999. – С. 15–27.